

Перечитывая Гитлера . . .

В «Моей Борьбѣ» автор пишет: «Всѣ дѣйствительно великіе историческіе перевороты вызывались не писанным словом... И, величайшій революціонный переворот новѣйшаго времени, большевистская революція в Россіи произошла не благодаря писаніям Ленина, а силою ораторской, взывавшей к ненависти, активности несчетнаго множества больших и малых апостолов - подстрекателей». Ленин сам, может быть, держался и другого взгляда: в его записях чужих мыслей и изрѣченій имѣется и афоризм Наполеона — «Пушки убили феодализм, чернила убьют современное общество». Сужденіе Гитлера противорѣчит, во всяком случаѣ, и его биографіи, и резонансу, который получила его книга.

В автобиографической части «Моей Борьбы» рассказывается, как из всѣх многочисленных метаморфоз наиболѣе тяжким для Гитлера было его обращеніе к антисемитизму. «Он стоял мнѣ наибольших душевных бореній, и лишь послѣ многих мѣсяцев сомнѣній рассудок, наконец, одолѣл, а два года спустя и чувство оказалось с ним в соотвѣтствіи». В процессѣ превращенія Гитлера в лютаго юдофоба рѣшающую роль, однако, сыграло не устное слово прославленнаго вѣнскаго бургомистра - антисемита Люгера или Шенерера, а — «пріобрѣтенныя за нѣсколько геллеров первыя антисемитскія брошюры». Этому «писанному слову» и обязан был Гитлер тѣм, что «пелена спала с глаз, и вся исторія сразу освѣтилась рѣзким свѣтом: я увидѣл в ней перипетіи дьявольскаго заговора»...

Но «Моя Борьба» не только автобиографія «борца», ставшаго таковым под влияніем знакомства с писанным словом. Она и орудіе борьбы: обличает врагов, превозносит друзей и «своих», гальванизирует упавших духом, воодушевляет безразличных, пророчествует о новом небѣ и новой землѣ — о небывалом, третьем, націонал - социалистическом германском рейхѣ. Это орудіе Гитлер стал «ковать» — собирать матеріал и готовить черновики — уже с 1919 г., т. е. *задолго* до того, как провал мюнхенскаго «путча» 9

ноября 1923 г. лишил его возможности ораторствовать на собраниях и привел на 15 мѣсяцев в крѣпость, гдѣ на досугѣ он и мог написать и отдѣлать «Мою Борьбу». Это орудіе оказалось очень цѣнным, — принеся автору за один 36-ой год 18 миллионів франков, в 37-м — 24 милл., а в прошлом — даже 30 милл., — и очень распространенным. Благодаря специальнымъ правительственнымъ мѣрамъ — врученію «Моей Борьбы» учащимся, брачущимся и т. д., — тиражъ ея конкурируетъ с Библіей и неизмѣнно растет: 800 тыс. в 33-м году, полтора миллионів — в 34-м, два с половиной — в 36-м, свыше 4 миллионів — в прошлом. И политическое значеніе этого новѣйшаго завѣта от времени отнюдь не испаряется.

Автор только что вышедших на французскомъ языкѣ «Раз'ясненій «Моей Борьбы», с подзаголовкомъ: «Книга, которая измѣнила лицо міра», — Бенуа - Мешэн утверждаетъ, что «нельзя ничего понять в дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Гитлера без углубленнаго знанія «Моей Борьбы». Сегодня больше, чѣм когда - либо такое знаніе для насъ вопросъ жизни и смерти». — И Андрэ Сюаресъ в выпущенныхъ имъ «Взглядахъ на Европу» настойчиво рекомендуетъ каждому ознакомиться с «Моей Борьбой» до конца, хотя — «этотъ вихрь бессмыслицы и взрывъ міазмов внушаетъ не меньше скуки, нежели отвращенія». Характеристика Сюареса, писателя правыхъ устремленій, безпощадна: «Сколько надменности в глупости и злобствованияхъ! Сколько безстыдства в самовосхваленіи и униженіи другихъ... Извергнутыя на 700 стр. (даже 782! — *М. В.*) 29.000 строкъ ненависти, оскорбленій, пѣны — монументъ лицемѣрія и озвѣренія. При этомъ ни одной своей идеи, ничего оригинальнаго, все нахватаю отовсюду понемногу: у Гобино, Дрюмона, Вашер де Лалужа, Шопенгауэра, в Байретскихъ листкахъ»...

«Моя Борьба» — не только прошлое, она и жгучая современность.

Читая «Мою Борьбу», наталкиваешься на необычайное многословіе, безконечныя повторенія и постоянныя внутреннія противорѣчія, общія и частныя. Когда книгу перечитываешь, вскрываются все новыя несоотвѣтствія с фактами. Время, увеличившее распространенность и политическую значимость «Моей Борьбы», состарило ее и сдѣлало в нѣкоторыхъ частяхъ уже «несозвучной текущему моменту». Анахронизмомъ звучитъ утвержденіе, будто «Франція стремится утвердить свою военную и экономическую ге-

гемонию в Центральной Европѣ». Несуразным сдѣлала послѣ-мюнхенская политика Гитлера и сужденіе «Моей Борьбы» об Англіи: только Англія с Италіей являются «тѣми двумя государствами, жизненные интересы коих не противорѣчат интересам германской націи и даже могут в извѣстной мѣрѣ с ними совпадать».

Уже 15 лѣтъ тому назад «Моя Борьба» предвидѣла возможность «соперничества» между муссолиниевской Италіей и демократической Франціей. Но в той же мѣрѣ, в какой это предвидѣніе оправдалось, факт вражды между «латинскими сестрами» взрывал или ставил под сомнѣніе основной тезис «Моей Борьбы» о всеопредѣляющей роли в исторіи и политикѣ—расы и близости по крови. Не оправдалась и оцѣнка отношеній Англіи к Франціи — неприемлемость для Англіи экономической устойчивости и военной мощи Франціи. «Моя Борьба» страстно бичует бывшее противопоставленіе «нашей безразсудной колониальной и экономической экспансіи» — интересам Англіи: в этом была «одна из самых губельных ошибок в довоенной политикѣ Германіи, одно из самых пагубных послѣдствій того ложнаго пути, по которому пошла дипломатія Вильгельма II». И вмѣстѣ с тѣм никто, как высказавшій это мнѣніе, *своей* политической и экономической экспансіей не сумѣл возстановить Англію против Германіи настолько, что сама націонал - социалистическая пропаганда вынуждена за послѣднія недѣли официально об'явить Англію врагом № 1.

Ставка на франко - англійскій антагонизм оказалась в такой же мѣрѣ битой, как битой оказалась ставка на англо - германское сближеніе и «англо - итало - германскую коалицію». Конечно, можно многое об'яснить не тѣм, что Гитлер ошибался, а что другіе не оправдали его совершенно основательных ожиданій и оказались ниже того, что утверждала даже «Моя Борьба»: «Было бы очень наивно думать, что Франція и Англія позволят нам дѣйствовать свободно в теченіе 10 лѣтъ, необходимых для завершения наших вооруженій. Нѣтъ! Молнія тотчас обрушится на нас, не дав возможности германо - русскому союзу принести свои плоды»...

«Моя Борьба» во многих пунктах не выдержала испытанія жизнью и проверки оытом. Но основное и внутреннее ея противорѣчіе в ея *анти-историзмѣ*: в том, что фантаст и визионер рѣшил по собственному усмотрѣнію, политическими средствами, осуществить то, что ему самому представилось как ви-

дѣніе и призрак. «У каждого народа свои пророки, — говорил Гитлер своему окруженію, — счастлив народ, чьи пророки политики». «Я возвращаюсь в круг опасности с абсолютной увѣренностью сомнамбула», — признавался он в другой раз. Гитлер, вѣроятно, искренне вѣрит и в содержаніе своего фантазма, и в свое призваніе его осуществить.

Новѣйшую исторію Гитлер хочет начать не с XX-го вѣка, а — «там, гдѣ она остановилась шестьсот лѣт тому назад». Волевым напряженіем считает он возможным сдѣлать из Германіи то же, что представляют собою государства - континенты — Россія, Соединенные Штаты, Великобританія, Китай. Ни самыя государства, ни государственныя границы «не начертаны Богом и не созданы ни по Его желанію, ни силою природы»; они — «результат исторических превратностей», «простое соотношеніе сил», и то, что «одни люди создали, другіе могут передѣлать». Гитлер убѣжден, что — «и через тысячу лѣт Германія будет еще націонал - социалистической».

По сравненію с этим, и Ленин с Троцким могут считаться историческими реалистами. Ибо, даже одержав побѣду и торжествуя, Ленин все-же считал «самым удивительным то, что так - таки и не нашлось никого, кто немедленно выкатил бы нас на тачкѣ»; и самое свое пребываніе у власти он не мог об'яснить иначе, как чудом: «Чудо — октябрьскій переворот. Чудо — польская война. Чудо — трехлѣтняя выносливость русскаго мужика и рабочаго». И Троцкій тоже не загадывал дальше перманентной «пятилѣтки»: «Если мы прожили пять лѣт, стало быть, побѣда нам на роду написана... Мы проживем еще пять лѣт, а затѣм еще пять лѣт, а там и конца не видать». — При своем, сравнительном, «реализмѣ», Троцкій все же, как извѣстно, оказался — относительно себя плохим пророком: и пяти лѣт не прошло, как ему пришел «конец». Тѣм менѣе осмыслены пророчества на болѣе отдаленные сроки.

С крайним анти - историзмом связана, как правило, и фанатическая одержимость, подчеркиваемая и рекомендуемая в «Моей Борьбѣ», как болѣе сильно дѣйствующее политическое средство. «Не об'ективное знаніе холодных научных истин, а фанатизм, бичующій душу толпы и двигающій ее вперед, хотя бы с истерическим насиліем, — вот что является болѣе могучим рычагом революціи». «Не то важно, что думает геніальный тво-

рец, а то, как заставить массу усвоить его идею». Для этого требуется «магическая» власть фюрера, и на этом покоится все «водительское начало» («Führertum» и «Führerprinzip») национал-социализма.

Гитлер вѣрит в свое провиденціальное назначеніе и свою расистскую аргументацію пересыпает религиозной фразеологіей и, испытанным еще во время міровой войны, обращеніем к доброму нѣмецкому Богу за помощь в расправѣ и отмщеніи врагам. Гитлеру доподлинно извѣстно, что «Бог хочет», — да и закон такой существует, — «чтобы высшіе виды вытѣсняли низшіе». «То, что творит в Европѣ Франція, движимая духом мстительности и подстрекаемая постоянно евреями, это — преступленіе против благаго человѣка и обрушит, конечно, на нее отомщеніе народа, который в профанаціи рас видит природный грѣх человѣчества». Нельзя болѣе «инструментально» подойти к религіи, чѣм это дѣлает «Моя Борьба», утверждая в общем видѣ, что «когда политик расцѣпывает какую-либо религію, он принимает в расчет не степень ея истинности, а полезность, которую она оказывает общекитію».

Оппортунистическій подход к религіи, близко напоминающій и подход большевиков к религіи, национализму и патриотизму, — может быть, не вполне согласуется с общей установкой «Моей Борьбы». Но в придаточных и вводных предложеніях национал-соціалистическаго Евангелія нерѣдки сужденія, опровергающія смысл главных и, по существу, вполне иногда трезвых. В других случаях, когда несуразность общаго сужденія очевидна — и для автора, — он прибѣгает к произвольному удвоенію явленія и понятія и строит «диптих»: так, Англіи добродѣтельной, с «подлинно британскими интересами», которые в будущем могут совпасть и с германскими и сдѣлать ее союзницей, противопоставляется другая Англія, зловредная, «с наиболѣе свободным режимом демократіи, гдѣ евреи осуществляют скрытую диктатуру благодаря своему давленію на общественное мнѣніе».

**

Русскаго читателя «Моя Борьба» не может не поразить своим духовным и структурным родством — в идеологіи, психологіи, политикѣ — с *большевизмом*; подчеркиваем: не с коммунизмом, о котором «Моя Борьба» молчит, а с большевизмом, который она не перестает бичевать! То же абсолютно - монистическое самоут-

верженіе, экстремистски - эксклюзивный максимализм и отрицаніе всѣх других, посредствующих и средних звуков и красок жизни. И, соответственно, — та же «Scharfmacherei», или заостреніе и разжиганіе всѣх существующих противорѣчій и отталкиваній между владѣющими и обдѣленными, командующими и эксплуатируемыми: классами — у большевиков, расами и государствами — в «Моей Борьбѣ».

Вы можете здѣсь прочесть: «Сильный всегда болѣе силен, когда он один»; «Партія, увѣренная в своих заданіях и созная свою силу, никогда не должна заключать союзов с другими партіями»; «Патріотизм долженъ быть накален до фанатизма»; «Красный террор может быть побѣжденъ еще болѣе свирѣпым террором»; «Для нас другой альтернативы нѣтъ: новыя земли или — рабство! Больше пространства или — смерть!»; «Природа не создала людей для того, чтобы они жили в мирѣ; она желает, чтобы люди боролись, но всегда наступает момент, когда инстинкт самосохраненія торжествует в человѣчествѣ, — этой помѣси глупости, трусости, высококомѣрной иллюзіи... Великимъ человѣческой род стал благодаря войнѣ, вѣчный мир был бы его гибелью»; «Союз, который не имѣет своей цѣли войны, — лишенъ смысла и цѣнности: союз заключаютъ только для боя». И т. д., и т. п.

Одинаково там и тут и отношеніе к пропагандѣ и к способамъ вліянія на массы путемъ воздѣйствія на ихъ чувства, быстрѣе и легче дающаго желанный тактический эффектъ, нежели индивидуальное переубѣжденіе разсудка. И не случайно, в поискахъ первыхъ адептовъ и людскаго матеріала для «націонализаціи» отравленныхъ евреевъ и марксистами германскихъ масс, авторъ «Моей Борьбы» обратился, прежде всего, къ коммунистической средѣ и аудиторіи: здѣсь нашелъ онъ нужныхъ ему фанатиковъ - энтузіастовъ и экстремистовъ - изуверовъ — вчера большевиковъ, сегодня наци, SA и SS.

Помимо чертъ сходства, психологическаго и идеологическаго, вниманіе русскаго читателя не могутъ не остановить разбросанные по разнымъ частямъ «Моей Борьбы» выпады по адресу Россіи, русскихъ и славянъ.

Презрѣніе и ненависть къ нимъ, какъ «низшей расѣ», по сравненію съ нордической, германской, не достигаетъ, правда, тѣхъ патологическихъ степеней и выраженій, которыхъ достигаетъ «Моя Борьба», когда рѣчь заходитъ о евреяхъ. Все же ненависть къ «безграмотнымъ русскимъ» не уступаетъ ненависти къ французамъ и презрѣнію къ бал-

канским народам или неграм. Это не мѣшает Россіи — и ея чернозему — быть предметом главнаго вождельнія и зависти Гитлера.

Вся философія, исторія и построение будущего исходят в «Моей Борьбѣ» из «трагической диспропорціи» между численностью населенія и пространством Германіи. «Жизненная необходимость и историческое призваніе» послѣдней опредѣляются тѣм, что на нѣмца приходится всего «100 метров на 45», тогда как на русскаго — «в 8 - 10 раз больше» или, иначе: «в Германіи на 1 квадрат. километр 137 жителей, тогда как в Россіи всего 7». Отсюда и завоевательныя цѣли — опредѣленно в восточном направленіи. «Если желать земли в *Европѣ*, это могло бы произойти только за счет Россіи. Новый рейх должен будет вновь зашагать по путям, проложенным однажды тевтонскими рыцарями, — чтобы нѣмецким мечом добыть плугу землю, а націи — хлѣб насущный».

Возобновить прерванный 600 лѣтъ тому назад германскій поход на Россію «Моя Борьба» считает возможным только при помощи Англій, «прикрывшей тыл» Германіи. В прошлом нѣмцы могли создать русскую государственность, но сейчас, с Россіей, поднавшей под владычество евреев, отравленной и способной лишь отравить других, — никакой союз невозможен: «Побѣдим ли мы в союзѣ с большевизмом или вмѣстѣ с ним будем разбиты, — большевизм нас проглотит». К такому неутѣшительному — и малолестному — для себя политическому выводу приходит «Моя Борьба», рассматривая возможность «германо - русскаго союза». Таково же ея заключеніе — и «разсуждая чисто с военной точки зрѣнія»: «В случаѣ войны Германіи и Россіи против западной Европы, а скорѣе против всего остального міра, — положеніе создается бы катастрофическое», — подчеркивает автор разрядкой.

Аподиктически - авторитарный стиль и профетически - догматическое содержаніе дѣлают «Мою Борьбу» «монолитом», из котораго нельзя из'ять и мелкой частицы, чтобы не рухнуло все построеніе. Внутреннія противорѣчія каждый волен примирять по своему. Гораздо труднѣе даже самому горячему приверженцу примирить несоотвѣтствія между возвѣщенным в «Моей Борьбѣ» и свершившимся в дѣйствительности. И в серіи этих, мягко выражаясь, «несоотвѣтствій» завоеваніе Чехо-Словакии переворачи-

вает всю систему «Моей Борьбы» верх дном, — не только ее политику и экспансию, вместо востока, направившуюся на юг, но и все то, что претендовало быть национал - социалистическим учением и оправданием насилия и террора.

На первой же страницѣ «Моей Борьбы» формулировано — и шрифтом выдѣлено — существо всей философіи, политики и морали национал - социализма: *«Одинаковая кровь принадлежит общему рейху... И только послѣ того, как граница рейха включит в себя послѣдняго нѣмца без того, чтобы она обезпечила ему пропитаніе, — только из нужды своего народа возникает моральное право на завоеваніе чужой земли и почвы».* Так учил Гитлер. А в другом мѣстѣ — *«Как государство, германскій рейх должен включить всѣх нѣмцев не только для того, чтобы собрать и сохранить наиболѣе цѣнные в этом народѣ элементы, но и чтобы медленно и вѣрно возвысить их до положенія господ» (zur beherrschenden Stellung emporzuführen).* Ибо еще сказано в писаніи: *«Наше германское общеніе, увы, не покоится больше на однородном расовом ядрѣ... Отравленіе нашей крови путем смѣшенія, особенно послѣ 30-лѣтней войны, привело к разложенію не только нашей крови, но и нашей души... В критическое время, когда стадо обыкновенно собирается вмѣстѣ, нѣмецкій народ разбѣгается по разным направлениям... В мирныя времена различія могут имѣть и благой результат, но, беря все в цѣлом, это лишило нас міровой гегемоніи».*

Чтобы наверстать упущенное и вернуть гегемонію, третій рейх должен быть унифицирован: включить в свой состав всѣх германцев и извергнуть из своего состава евреев — неарійцев на 50% и даже на 25%, до третьяго колѣна. Так слѣдовало из «Моей Борьбы», и так стал дѣйствовать ее автор, когда пришел к власти и, в открытое нарушеніе версальскаго «клочка бумаги», вооружил армію, занял и укрѣпил прирейнскую область, а потом и возсоединил с третьим рейхом нѣмцев саарских, австрійских и судетских, преслѣдуя и изгоняя евреев и разжигая острую ненависть к иностранцам и международным плутократам.

Средній нѣмец — и вчерашній коммунист не составлял исключенія — радовался и умилялся, как ловко и быстро все свершалось по слову, рѣченному в «Моей Борьбѣ». Он за совѣтъ готов был проникнуться убѣжденіем в провиденціальную миссію фюрера и богооткровенный характер «Моей Борьбы». И вдруг — вклю-

ченіе в орбиту германскаго міра и расы чехов и словаков, т. е. народа низшей расы. Націонал - соціалістическій расизм утрачивал разом свое идеологическое основаніе; вмѣстѣ с ним уходила из под ног и почва у всякаго, кто не по приказу или не для видимости принимал истину «Моей Борьбы» и увѣровал в праведность фюрера.

И, в самом дѣлѣ, чѣм богемо - моравскій «протекторат» отличается от былой «германизациі», приведшей к смѣшенію рас («Bastardierung»), которая так жестоко обличена «Моей Борьбой», как отрицаніе подлинных интересов германства и причина всѣх послѣдующих постигших Германію бѣд? Вѣдь увѣренно вознѣщалось, что новое арійско - германское завоеваніе, не в примѣр прошлому, — «не будет имѣть цѣлью завоеваніе городов или собираніе добычи, т. е. захват чужого труда». А Вѣна? А Прага? А трофеи и добыча, «т. е. захват чужого труда» в Чехословакии?!... Всѣ обличенія и благовѣстія разом проваливались в пропасть. Вмѣстѣ с тѣм под сомнѣніем оказывалось не только возвращеніе утраченной — и обѣщанной — гегемоніи, но и удержаніе уже приобрѣтеннаго и освоеннаго. Как бы, в случаѣ новаго наступленія «критическаго момента», включенныя в третій рейх разнородныя расы опять не разбѣжались «по разным направленіям»? Как бы не повторилось то, что Гитлеру пришлось наблюдать во время мировой войны и что он сам отмѣтил: «германскій солдат усомнился в том, что ему говорили приставленные направлять его мнѣніе, и, вмѣсто того, чтобы усилить его комбативность, ощущение, что его обманули, ослабило его энергію»...

Кто не отказывается вовсе размышлять, хотя бы наединѣ с собой, оказывается, таким образом, перед неустранимой дилеммой: либо признать, что «Моя Борьба» вовсе не то откровеніе истины, за которое ее не перестает выдавать націонал - соціалістическая пропаганда, либо — самого фюрера признать отступником и вредителем, измѣнившим своей же истинѣ.

По свидѣтельству пріѣзжающих из различных районов Германіи, ропот и шопот слышится сейчас не только на базарах и в лавках. И от преданных Гитлеру партійцев можно в довѣрительной бесѣдѣ услышать выраженіе недовольства и осужденіе: —

Фюрер был неправ!.. Фюрер совершил ошибку!.. Он нарушил слово!..

Не будем гадать, насколько серьезно и глубоко это недовольство, как и когда оно может претвориться в дѣйствіе и превратить скрытую энергію в «кинетическую». Установим другое: не только западная Европа и мір демократіи до 15 марта 39 г. и *послѣ* этой даты — двѣ разныя Европы и два разных, политически и психологически, міра, но и Германія націонал - социалистическая и, тѣм болѣе, не-націонал - социалистическая, до и послѣ 15 марта — двѣ разныя Германіи. До этого сакраментального дня Гитлер, дѣйствительно, шел от побѣды к побѣдам, тѣм болѣе внушительным, что онѣ были почти безкровны. 15 марта чреда бесспорных побѣд смѣнилась побѣдой болѣе чѣм сомнительной, вселившей недоумѣніе и тревогу в станѣ самих побѣдителей.

Отвѣчая на предложеніе Рузвельта «замириться», хотя бы на 10 лѣт, Гитлер подробно перечислил трофеи, попавшіе ему в руки послѣ оккупации Праги: 1.582 авіона, 501 орудіе против авіонов, 2,175 пушек, 785 минометов, 468 танков, 43.876 пулеметов, 1.000.000 винтовок, больше 3 миллионa артиллерійских снарядов, больше миллиарда патронов и т. д., и т. п. В заключеніе он не удержался, чтобы не похвастаться: «На основаніи того, что я сдѣлал, я могу претендовать перед исторіей, чтобы быть в числѣ тѣх, кто свершил максимум того, что можно по справедливости требовать от одного человѣка».

Для самопрославленія Гитлер выбрал момент, болѣе чѣм неудачный. Побѣдителями, в конечном счетѣ, становятся вѣдь не собственной волей, а волею побѣжденных, признавших превосходство побѣдителей. В данном же случаѣ не только побѣжденные этого не признали, не признали и отошедшія было в сторону другія державы, и в лагерѣ самих побѣдителей растет сомнѣніе, не есть ли побѣда над Прагой — мнимая побѣда? Чѣм лучше человѣкъ знает «Мою Борьбу» и чѣм добросовѣстнѣе увѣровал он в связанность судеб Германіи с предуказанным в «Моей Борьбѣ», — тѣм сомнѣнія эти должны стать только сильнѣе.

М. Вишняк